

уставом; далее следуют Житие Алексея человека божия (лл. 14—32) и «Слово от видения св. апостола Павла», написанные одним почерком — иеродиаконем Феодоритом (ср. запись на л. 32: «Сие житие Алексиа человека божия писано во обители живоначалныя Троицы и преподобнаго отца Александра Свирскаго чудотворца рукою грешною иеродиакона Феодорита 1707-го апреля в 4 де»). Переводное Житие Алексея человека божия отделено рядом мелких статей (в их числе молитвы и «Видение св. Пахомия мниха», на лл. 37 об.—40) от другого, также переводного Жития Симеона юродивого, принадлежащего Леонтию из Неаполиса Кипрского (лл. 41—104 об.). Промежуточные статьи написаны разными лицами, в то время как Житие Симеона, судя по почерку, переписывал тот же Феодорит. Сборник завершается списком жития Александра Свирского, не имеющим конца (лл. 107—165 об.). На л. 107 читается запись: «Книга глаголемая житие преподобнаго отца нашего Александра Свирскаго чудотворца. Трудился многогрешный раб божий некм ишапош 1706 г.». При публикации обзора фондов Пушкинского дома криптограмма этой записи была раскрыта как «писец Петр Иванов».⁶ Почерк писца здесь мелкий, убористый. Судя по различным филиграммам конца XVII в., встречающимся в протяжении всего сборника, в Александро-Свирском монастыре в Петровское время имелся запас разной бумаги.

Переписчик жития Александра Свирского пропустил лл. 126 об. и 127. На этих оставшихся чистыми листах появились рисунки пером с изображением всадников, не имеющие никакого отношения к тексту жития. Несколько раньше, на л. 106 об., читатель сборника впервые встречается с подобным изображением всадника. Эти рисунки сделаны не профессионалом-художником, а каким-то писцом-любителем. Несмотря на несоблюдение пропорций, всадник — например, замахнувшийся на скаку саблей, — довольно выразителен; в рисунке много динамики. Две более мелкие фигуры подобных всадников находятся на л. 127, а на л. 126 об. всадник (солдат?) стоит на коне. Эти всадники напоминают народную деревянную резьбу типа богородской — фигуры «седочков», солдат, мужичков, с их обобщенной характеристикой, едва намеченной в деревянных цилиндрических чурках. Перовые рисунки пересечены вертикальными линиями, которыми были разграфлены пустые листы. На л. 106 читаются три разновременные записи, две — не позднее начала XVIII в., третья — владельческая с датой 1761 г., указывающая на то, что книга в середине XVIII в. находилась уже вне Александро-Свирского монастыря.

Рисунок с изображением Леонтия из Неаполиса Кипрского (как и записи на чистых листах, да и изображения всадников) мог быть сделан не сразу после переписки житий. Он появился на свободном от текста листе, но в отличие от фигур всадников был создан в дополнение к тексту жития, что уже отмечалось выше. Манера исполнения (перовой рисунок по жесткой графье) иная, чем в других рисунках данного сборника. Здесь представлен в рост, в профиль немолодой монах в полном облачении архиепископа: в мантии со скрижалями, в белом клобуке, с высоким посохом, с крестом. Рисунок явно принадлежит непрофессионалу: автор не справился с пропорциями при передаче рук, ног, корпуса. Непомерно высокий клобук будто стянул лоб в морщинах; ноги поставлены как у сидящего и т. д. Тем не менее Леонтий из Неаполиса Кипрского изображен в движении и по-своему выразительно. Этот рисунок принадлежит либо читателю сборника, либо переписчику, трудившемуся над новым списком жития. Искушенный художник непременно представил бы писателя с письменными

⁶ В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского дома..., стр. 164.